

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
УКРАИНСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Александр
ДЮМА

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ,
или ВИКОНТ де БРАЖЕЛОН

В трех томах

Том 1

Харьков
«Фолио»
2017

I

ПИСЬМО

В середине мая 1660 года, в девять часов утра, когда солнце, начавшее уже припекать, высушило росу на левкоях Блуаского замка, небольшая кавалькада, состоявшая из трех дворян и двух пажей, проехала по городскому мосту, как всегда не произведя особого впечатления на гуляющих по набережной. Они лишь прикоснулись к шляпам со словами:

— Его высочество возвращается с охоты.

И только.

Пока лошади брали крутой подъем от реки к замку, несколько горожан подошли к последней лошади, к седлу которой были подвешены за клюв убитые птицы.

С истинно деревенской откровенностью любопытные выразили пренебрежение к такой скудной добыче и, потолковав между собой о невыгодах охоты в лет, вернулись к своим делам.

Только один из зевак — рослый краснощекий мальчик — поинтересовался, почему его высочество, имея возможность весело и разнообразно проводить время благодаря своим огромным доходам, довольствуется столь жалким развлечением.

Ему ответили:

— Разве ты не знаешь, что для его высочества главное развлечение — скука?

Весельчак пожал плечами с жестом, который ясно говорил: «В таком случае я предпочитаю быть лавочником, а не принцем».

И каждый принялся за свою работу.

Между тем его высочество продолжал свой путь с таким задумчивым и в то же время величественным видом, что, верно, ему изумились бы зрители, если бы таковые были; но жители Блуа не могли простить герцогу того, что он выбрал

их веселый город, дабы предаваться унынию без помех. Завидев скучающего принца, они обычно отворачивались, зевая, или отходили от окон в глубину комнат, точно избегая навещающего сон влияния этого вытянутого бледного лица, унылых глаз и вялой походки. Таким образом, достойный принц мог быть почти уверен, что никого не встретит на улицах, если вздумает прогуляться.

Конечно, со стороны жителей Блуа это являлось преступной непочтительностью: его высочество был первым вельможей Франции после короля, а может быть, и включая короля. Действительно, если Людовик XIV, тогда царствовавший, имел счастье родиться сыном Людовика XIII, то его высочество имел честь родиться сыном Генриха IV. Следовательно, жители Блуа должны были гордиться предпочтением, которое герцог Гастон Орлеанский¹ оказал их городу, поселившись со своим двором в старинном Блуаском замке.

Но такова была судьба этого высокородного принца: он никогда не возбуждал внимания и удивления толпы. С течением времени он привык к этому. Может быть, именно этим объясняется его равнодушный и скучающий вид. Прежде он был очень занят. Казнь доброй дюжины его лучших друзей причинила ему немало хлопот. Но со времени вступления кардинала Мазарини в должность министра казни прекратились, его высочество остался без всякого занятия, и это отражалось на его настроении.

Жизнь бедного принца протекала очень скучно. По утрам он охотился на берегах Беврона или в роще Шаверни, потом переправлялся через Луару и завтракал в Шамборе, с аппетитом или без аппетита; и до следующей охоты жители Блуа ничего не слышали о своем владыке и господине.

Так принц скучал *extra muros*²; что же касается его скуки в стенах города, то мы поведаем о ней читателю, если он потрудится последовать вместе с нами за кавалькадой к величественному входу в Блуаский замок.

¹ Герцог Орлеанский Жан-Батист-Гастон (1608—1660) — брат Людовика XIII, выступал против кардинала Ришелье; после раскрытия одного из заговоров предал своих друзей-заговорщиков — маркиза де Шале, Сен-Мара, де Ту, маршала Монморанси и др., отправленных на эшафот. Принимал участие во Фронде (1648—1653), восстании аристократии против двора и абсолютистской политики первого министра Людовика XIV кардинала Мазарини и был сослан в замок Блуа.

² Вне стен города (*лат.*).

Его высочество ехал верхом на маленькой рыжей лошадке, в седле из красного бархата. Пунцовый бархатный камзол принца, под плащом такого же цвета, сливался с седлом; и только благодаря этому красному цвету герцог Орлеанский выделялся среди своих спутников, из которых один был в лиловом платье, другой в зеленом. Человек в лиловом, шталмейстер, ехал по левую руку, обер-егермейстер в зеленом — по правую.

Один из пажей держал на жердочке двух соколов. У другого слуги в руке был охотничий рог; в который он шагах в двадцати от замка лениво затрубил. Все придворные скучающего принца исполняли свое дело из рук вон плохо. Услышав сигнал, восемь часовых, гревшихся на солнышке в квадратном дворе, схватили алебарды, и его высочество торжественно вступил в замок.

Когда герцог въехал во двор, мальчишки, мчавшиеся за кавалькадой, указывая друг другу на убитых птиц, разбежались, отпуская замечания по поводу увиденного. Улица, площадь и двор опустели.

Его высочество молча сошел с лошади, прошествовал в свои покои, где слуга помог ему переодеться, и так как ее высочество еще не прислала известить о завтраке, то его высочество опустился в кресло и задремал так крепко, как будто уже было одиннадцать часов вечера.

Часовые, зная, что им нечего делать до самого заката, растянулись на каменных скамьях; конюхи с лошадьми скрылись в конюшнях; казалось, все заснуло в замке, подобно его высочеству, только несколько птичек весело щебетали в кустах.

Вдруг среди этой сладостной тишины раздался взрыв звонкого смеха, заставивший нескольких солдат, погруженных в сон, открыть глаза.

Смех несся из ярко освещенного солнцем окна замка с узорчатым железным балкончиком, украшенным горшками с красной гвоздикой, примулами и ранними розами.

В комнате, которой принадлежало это окно, виднелся четырехугольный стол, покрытый старой гарлемской скатертью с крупным цветочным узором. Посреди стола стоял глиняный кувшин с длинным горлышком; в нем красовались ирисы и ландыши. По обе стороны стола сидели две девушки.

Держали они себя довольно странно: их можно было принять за пансионерок, бежавших из монастыря. Одна, положив локти на стол, старательно писала на роскошной голландской бумаге; другая, стоя на коленях на стуле, нагнулась над столом и наблюдала за подругой. Они смеялись, шутили и наконец захохотали

так громко, что вспугнули птичек, игравших в кустах, и прервали сон гвардии его высочества.

Если уж мы занялись портретами, да будет нам позволено написать еще два — последние в этой главе.

Стоявшая на коленях на стуле шумливая хохотунья, красавица лет девятнадцати-двадцати, смуглая, черноволосая, сверкала глазами, которые вспыхивали из-под резко очерченных бровей; ее зубы блестели, как жемчуг, меж коралловых губ.

В ней словно была заложена пороховая мина; она не двигалась, она взрывалась.

Та, которая писала, глядела на свою неугомонную подругу голубыми глазами, светлыми и чистыми, как небо в тот день. Ее белокурые с пепельным оттенком волосы, изящно причесанные, обрамляли мягкими кудрями перламутровые щечки; тонкая рука, лежавшая на бумаге, свидетельствовала о крайней молодости. При каждом взрыве смеха приятельницы она с досадой пожимала нежными белыми плечами, которым, так же как рукам, недоставало еще округлости и пышности.

— Монтале! Монтале! — сказала она наконец приятным и ласковым голосом. — Вы смеетесь слишком громко, точно мужчина; на вас обратят внимание господ караульные, и вы, пожалуй, не услышите звонка ее высочества.

Девушка, которую звали Монтале, не перестала смеяться и шуметь, несмотря на выговор. Она лишь ответила:

— Луиза, дорогая, вы говорите несерьезно. Вы знаете, что господ караульные, как вы их называете, теперь заснули и что их не разбудят даже пушки: вы знаете, что звонок ее высочества слышен даже на Блуаском мосту, и, стало быть, я услышу, когда мне нужно будет идти к ее высочеству на дежурство. Вам просто мешает, что я смеюсь, когда вы пишете: вы боитесь, как бы госпожа де Сен-Реми, ваша матушка, не пришла к нам, — что она иногда делает, когда мы шумим слишком громко, — не застала нас врасплох и не увидела этого огромного листа бумаги, на котором за четверть часа написано только «господин Рауль». И вы совершенно правы, милая Луиза: после этих двух слов можно написать много других, таких значительных и пламенных, что ваша добрая матушка получит полное право метать громы и молнии. Не так ли? Отвечайте.

И Монтале еще громче расхохоталась.

Блондинка обиделась не на шутку. Она разорвала лист, на котором красивым почерком действительно было выведено «господин Рауль», и, смяв бумагу дрожащими пальцами, бросила ее за окно.

— Вот как! — заметила Монтале. — Наша овечка, наша голубка рассердилась!.. Не бойтесь, Луиза: госпожа де Сен-Реми не придет, а если б и вздумала навестить нас, так вы знаете — у меня тонкий слух. Притом вполне позволительно писать старому другу, которого знаешь двенадцать лет, особенно когда письмо начинается словами: «Господин Рауль!»

— Хорошо, я не буду писать ему, — промолвила Луиза.

— Ах, как я наказана! — воскликнула с хохотом черноглазая насмешница. — Ну, берите скорей другой лист бумаги и сейчас сочиним письмо... Ах! Вот и колокольчик звенит!.. Ну, да мне все равно! Герцогиня подождет или обойдется сегодня без своей фрейлины!

В самом деле звонил колокольчик. Это значило, что герцогиня закончила туалет и ждет его высочество, который обыкновенно вел ее под руку из гостиной в столовую.

После этой церемонии супруги завтракали и опять расставились до обеда, подававшегося ровно в два часа.

При звуке колокольчика в кухне, на левой стороне двора, отворилась дверь, и в ней показались два дворецких и восемь поварят. Они несли подносы с кушаньями на блюдах, накрытых серебряными крышками.

Один из дворецких, видимо старший по чину, молча коснулся жезлом караульного, громко храпевшего на скамейке. Он был так добр, что даже подал ему алебарду, стоявшую у стены. Солдат, ошалевший от сна, не спрашивая объяснений, проводил до столовой слуг, несших яства, предназначенные для его высочества; впереди вышагивали паж и двое дворецких.

Когда блюда проносили мимо часовых, они отдали честь.

Монтале и ее подруга смотрели из окна на подробности церемониала, хотя давно уже привыкли к нему. Впрочем, их любопытство вызывалось только желанием убедиться в том, что их оставили в покое. Когда поварята, солдаты, пажи и дворецкие прошествовали, они вернулись к столу, и солнце, на мгновение осветившее эти два прелестных личика, теперь опять озаряло только гвоздики, примулы и розы.

— Ну, — произнесла Монтале, устраиваясь по-прежнему, — ее высочество позавтракает и без меня.

— Ах, Монтале, ведь вас накажут! — ответила блондинка, тихо усаживаясь на свое место.

— Накажут? Это значит, что меня не повезут на прогулку. Да я только этого и хочу! Мучиться в огромной колымаге, держась за дверцу, поворачивать то направо, то налево по скверной